

31 ДЕК 1956

Москва

Газета №

365 очарований

5

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ

НА ДНЯХ я видел удивительный театр. На крошечной сцене в легкой паутине почти невидимых нитей в праздничных одеждах актеров старинного китайского театра двигались марионетки. Они танцевали, показывали фокусы и даже стреляли из лука. Их лица были подвижны, как лица живых актеров. Они страдали, радовались, боролись и побеждали. А потом на сцену этого волшебного театра вышел маленький укротитель змей с непостижимо наивными голубыми глазами, и вокруг его бамбуковой палки, извиваясь, поползли кукольные змеи.

Вскоре мы увидели еще большие чудеса. Совсем миниатюрные куклы, выполненные с изяществом и филигранным мастерством, протирали стекла очков, писали тушью и вступали друг с другом в жаркие поединки. В заключение на белом экране возникли цветные тени черепахи и журавля, и в течение семи минут зачарованный зал, затаив дыхание, следил за их борьбой, причем каждый из участников «битвы» вел себя с такой неотразимой логикой, о которой мечтал Станиславский, создавая свой известный «метод физического действия».

Все это происходило в спектакле Китайского театра теней и кукол, показанном недавно в Москве.

Почему я вспомнил об этом в этот предновогодний вечер? Вероятно, потому, что все, что происходило на сцене этого театра, заставляло думать о том, каким должно быть искусство. Во всем, что мы увидели, была достигнута такая степень мастерства и того дерзновенного преодоления «границ возможного», которая вызывала мысль о чуде. Но ведь искусство и должно быть чудом! И так как я очень хочу, чтобы 1957 год — год Всемирного фестиваля, год сорокалетия моего государства, а следовательно, и моего театра, стал годом чудес в искусстве, — я и вспомнил об этом поучительном спектакле.

У нас и сегодня уже есть немало чудесного!

Разве Галина Уланова — это не чудо?

С такой полнотой «перевести» Шекспира на безмолвный язык танца, не пропустив ни одного его «слова», станцевав все его «монологи», — это значит сделать то, что, казалось бы, сделать невозможно! Победа Большого театра, прочно утвердившего на берегах Темзы славу советского балета, — вот образец того, каким должно быть наше искусство в наступающем юбилейном году!

Недавно, во время дружеской встречи работников искусств с Ивом Монтаном, я услышал совсем молодую певицу Аллу Соленкову. Всем, кто слушал ее в тот вечер, казалось, что в зрительном зале засвистал, запел соловей, для которого не существует никаких законов тесситуры. На самом деле, эта «соловьиная свобода» — результат мастерства. Я хочу, чтобы и молодые актрисы драматического театра с такой же силой и виртуозностью показали себя в 1957 году, как это сделала Алла Соленкова!..

Хотя в искусстве драматической сцены в прошедшем году было не так много чудес, все-таки это был радостный год, год надежды, год перелома!

Много радости принесли нам национальные театры. Ведь это и впрямь чудесно, что Тхапсаев — актер небольшой горной страны — Осетии, где недавно еще не было профессионального театра, сегодня играет в Москве Отелло, полемизируя своей трактовкой с Отелло Остужева и Хоравы. Вслед за этим режиссер далекого Еревана Аджемян вместе с чудесным Нерсисяном

показывают москвичам трагикомедию «Дядюшка Багдасар», в которой живет подлинно вахтанговская праздничная и умная театральность. В самом конце года мы познакомились с восточными театрами. И опять это было удивительное знакомство! Один театр «Ванемуйне» чего стоит! Театр, в котором вчерашний Ленский в «Евгении Онегине» сегодня играет драматическую роль типа ибсеновского Освальда, а завтра может выступить в оперетте или балетном спектакле! Вот уж поистине чудеса! Мы прощаемся с годом, в котором, к нашей общей радости, Художественный театр добился немалой удачи.

Кому не приятно слышать счастливый перезвон его «Кремлевских курантов». Я еще не видел «Власти тьмы» в Малом театре, но «взрывная волна» успеха этого спектакля говорит о том, что и наш старейший театр интересно финишировал в этом году. Георгий Товстоногов чудеснейшим образом превратил «Оптимистическую трагедию» в одну из самых «кассовых» пьес сезона, опрокинув все наши представления о том, что такое «кассовая» пьеса.

Появилось много «новых имен»: в драматургии — Достоевский, в режиссуре — Мейерхольд. Но боюсь, что наши театры могут оказать «медвежью услугу» этим «начинающим» деятелям искусства. Вслед за Раскольниковым в ермоловском театре на зрителя собираются двинуться сразу два «Идиота» (театр имени Вахтангова и театр имени Станиславского), «Братья Карамазовы», «Игроки» и Фома Опискин! Не слишком ли много для одного сезона!

Нужно сказать, что и срок «Мандата», воскрешенный талантливим Э. Гаринным, тоже уже явно и безнадежно просрочен. Вообще в 1956 году было слишком много «воспоминаний». Как бы ни были хороши, скажем, «Аристократы», театр все-таки всегда живет настоящим, а не прошлым. И если мы можем о чем-нибудь по-настоящему пожалеть, прожывая минувший год, так это о том, что не встретились в нем на сцене с настоящим человеком наших дней, нарисованным драматургом со всей полнотой правды.

Зато мы встретились с многочисленными актерами и режиссерами. Особенно «урожайный» год был в вахтанговском театре. Здесь родились молодой Г. Абрикосов, талантливая Ю. Борисова и очень интересный режиссер Н. Гриценко.

Один из английских писателей в канун Нового года меланхолически заметил, что «год — это всего лишь 365 разочарований». Какое печальное признание! Никто из нас, разумеется, не может точно сказать, что принесет ему Новый год, никто не гарантирован от каких-то личных горестей и неудач. Но мы твердо верим в радостный, большой, светлый творческий год своей страны, вступившей в торжественную пору сорокалетия.

Сколько чудесного за этот год будет сделано в нашей стране, сколько ценнейших открытий в области науки, сколько умных машин, сколько добрых дел! Прибавим же к ним плоды нашего искусства, вращенные отеческой заботой нашей партии!

Пусть каждый день Нового года будет отмечен новыми строками необыкновенных стихов, отрадой новых песен, новой страницей смелой и захватывающе интересной современной пьесы, наконец, хотя бы минутами (и это очень много) потрясающего искусства актера на сцене, искусства, граничащего с чудом!

Я поднимаю бокал за чудеса 1957 года!

